

Русские песни любят все, включая президента Путина. Надежда КАДЫШЕВА их поет, а ее супруг и продюсер Александр КОСТЮК — сочиняет. Тандем плодотворный, ниша благодатная. Иногда даже кажется, что начало творческого пути «Золотого кольца» теряется в дымке времен царя Гороха.

Сейчас подуставшая от гастролей певица от интервью воздерживается. Тем не менее Надежда Никитична назначила встречу корреспонденту «Вечерки» в офисе своего театра. Встретила с улыбкой, но... отвечать на вопросы отказалась: «Саша все расскажет». Тогда ваш корреспондент решился на хитроумный ход и начала беседу с вопросов о сценическом образе певицы. Всем известно трепетное отношение Кадышевой к костюмам. Сработало. Певица моментально включилась в разговор.

Надоели кокошники

— Все привыкли видеть Надежду Кадышеву в кокошниках и расшитых сарафанах. И вдруг вы меняете имидж.

Н.К.: Женщине нужно меняться. Кокошники, если честно, стали надоест. Сейчас мне делают прически. Изменился дизайн костюма — ушел от фольклора, стал более эстрадным. Теперь я выгляжу более естественно. Хотя костюмы по-прежнему такие же красивые, богатые. Это мой стиль.

— А старые наряды?

Н.К.: Все целы. Вот в этом шкафу (показывает) очень много платьев. Я с ними не расстаюсь, все в прекрасном состоянии, аккуратно поглажены, кокошники завернуты.

А.К.: Мы обязательно откроем музей. Сейчас у Надежды около 50 костюмов.

Н.К.: Даже — больше.

— В повседневной жизни, я обратила внимание, вы одеваетесь довольно просто.

Н.К.: В повседневной жизни я одеваюсь современно, как все. Люблю итальянских дизайнеров.

— Я с удивлением узнала о том, что у вас есть награда от американского Диснейленда.

А.К.: Мы были во всех Диснейлендах мира. Кстати, Диснейленд сыграл определенную роль в нашем творчестве. Недавно мы издали детскую книгу. Придумали сказочного персонажа — домовенка Топу. Он у нас и на концерте появляется.

— Я смотрю, в книге фея, очень похожа на Надежду Никитичну...

А.К. (улыбается): Да-да, это она и есть. Добрая фея Надежда. Прочитайте потом в книжке.

— Америка вам настолькоглянулась, что вы решили обвенчаться в Сан-Франциско?

А.К.: Мы были очень популярны в русской общине. И когда наши друзья узнали, что мы не венчаны, очень удивились. Венчал нас Владыка всеамериканский Антоний. Это было в Сан-Франциско, в православном храме.

Н.К. (с оживлением): — Девичник у меня был потрясающий. Все по старинным русским обычаям. Девочки в нарядных сарафанах бегали вокруг меня. Сашу на мальчишник увезли. Когда свадебный букет нам купили за 150 долларов, я испугалась, по тем временам для нас — это целое состояние было.

Нас открыли в Японии

— Вы объездили весь мир. Самое экзотическое место вашего выступления?

А.К.: Боливия, Ла-Пас. Город

находится на высоте четырех тысяч метров над уровнем моря, самое высокое место на земле. Это был фестиваль фольклорного искусства. Когда мы приехали на площадку, смотрю, медики стоят с кислородными баллонами. Надежда начала петь, говорит: «Ой, что-то мне дыхания не хватает».

Н.К.: Дышать было трудно. Мы на всякий случай решили сильно не отплясывать. Мне сказали потом: «Вы единственная, кто выдержал». У меня кантлен (звук, певучесть) хороший — это меня и спасло. Президент Боливии Замора потом вручил нам медаль.

— Говорят, у вас свои фанклубы даже в Японии?

А.К.: Япония — наша любимая страна. «Золотое кольцо» именно в Японии и открыли. Мы ездили туда каждый год, в течение многих лет. У нас там очень много фанов. Ну меньше, конечно, чем у группы «Тату» (смеется).

Н.К.: Когда мы поехали в Японию в первый раз от Госконцерта, нас предупредили, чтобы мы не пугались, поскольку японская публика ведет себя очень сдержанно, это у нас — сразу в писк. А тут как пошло, поехало. Японки бусы с себя снимали и на сцену выбрасывали!

— Сейчас японской кухней никого не удивишь. А тогда, наверное, боязно было угощаться местными блюдами?

А.К.: Мы из тех артистов, которые ели все. Угощают все-таки, неудобно отказываться. Секрет простой — 50 грамм водочки перед едой, и никакое отравление не грозит. В Японии я напрактиковался. Потом в Бурятии даже свежие мозги ел. Не могу сказать, что всю жизнь мечтал их почитать. Ситуация так сложилась — меня посадили на лучшее место, вокруг 400 человек сидят, смотрят съест — не съест. Водочки пригубил — и все в порядке.

Н.К.: А мне в Бурятии даже голову барана подарили.

Шубы дарили, «Мерседесы» — нет

— За творчеством коллег по фольклорному цеху не следите?

А.К.: Мы фольклором никогда не были вообще. Классическое образование получили. У нас в группе есть синтезатор, мы изначально были эстрадным коллективом. К тому же поем и играем авторскую музыку. Да, мы работаем в жанре фольклора. Но если так рассуждать, у Фреды Меркьюри — тоже народный голос. Надежда — певица со своим ярко выраженным стилем, под нее создан коллектив «Золотое кольцо». И здесь мы не сочетаемся и не соревнуемся ни с кем. У нас

«Когда она меня встретила, ее внутренний голос сказал: он будет моим мужем»

есть узнаваемый стиль, и мы его придерживаемся.

— Вы много гастролируете. Как следите за голосом?

Н.К.: Я уже устала. Сейчас, наверное, это нарабаталось. Но связки болят. К этому привыкаешь. Раньше я часто бегала по врачам-фоноаторам — все равно покалывает. Я устраиваю отдых своим связкам. Две недели концертов — потом каникулы. После концертов — домой, в постель. Очень люблю поспать. Сон восстанавливает.

— Сейчас, кстати, модно страховать голос.

Н.К.: (смеется) Ой, нет, этого делать я не буду.

Надежда Кадышева:

РОТ ОТКРОЮ И ПОЮ!

ДОСЬЕ «ВМ»

Надежда Никитична Кадышева родилась в 1959 году в деревне Горки на «стыке» Самарской и Оренбургской областей и Татарстана. В 14 лет уехала в Подмосквье, в Лобню, где работала на хлопкопрядильной фабрике. В 1968 году поступила в Музыкальное училище им. Ипполитова-Иванова. Продолжила учебу в Институте им. Гнесиных на кафедре сольного пения. Пела в женском ансамбле «Россияночка». В 1988 году стала вокалисткой ансамбля «Золотое кольцо», основанного ее супругом Александром Костюком. Народная артистка России.

— Я смотрю, в офисе портреты ваши висят, самовары всюду. Это все подарки?

Н.К.: Да, много подарков. Этот портрет девочка вышила, моя поклонница. Год вышивала, представляете? Я ее даже потом на работу взяла. Очень много портретов дарят, но я не люблю их вывешивать. Однажды пришли ко мне домой окна помыть, спрашивают: «А чья это квартира?» Когда узнали, что Надежды Кадышевой, удивились — ни одной фотографии. Не люблю.

А.К.: Еще все почему-то думают, что у нас должны обязательно деревянные ложки висеть, куличики, баранки, гжель. У нас в квартире этого нет. В офисе, вы видите, есть — но в меру.

— Широта русской души всем известна. Как реагируете на особо горячих поклонников, которые преподносят дорогие подарки?

Н.К.: Обычно отказываюсь. Очень много дарят украшений, колец золотых. Один раз золотое кольцо подарили. Я не брала, но пришлось — обижаются. Шубы дарили.

А.К.: «Мерседесов» никто не дарил.

В Бугульме меня чуть не раздавили

— Говорят, истоки наших талантов в тяжелом детстве.

Н.К.: Я всегда знала, что я буду певицей.

А.К.: У тебя всегда так! Когда она меня встретила в первый раз, ее внутренний голос сказал: он будет моим мужем. Надежда от рождения знает свою программу жизни (смеется).

Н.К.: Может быть, интуиция. В детстве я знала, что буду петь. Мама рано не стало, у меня была мачеха. И вот я, как сейчас помню, никуда не собиралась и вдруг заявляю сестре: «Я завтра уезжаю в Москву». Три года проработала на фабрике и вдруг поехала в училище поступать. Естественно, не поступила. Голос не поставлен, абсолютно сырой

материал. Но меня взяли на подготовительные курсы. За год подготовки я сделала большой скачок. Много работала. Пела постоянно. Надо было вставать в 5 утра, ехать на фабрику, потом — в училище на автобусе и на электричках трястись. Счастье, если удавалось поспать в электричке.

— Родители у вас пели?

Н.К.: Пели хорошо и папа, и мама. Кстати, у меня от природы вокальное дыхание очень хорошее. Помню, педагоги мне говорили, когда петь начинала: «Деточка, ну куда ж вы так тянете?» Мне очень нравилось петь. Все говорили: «Ну, чего Кадышева, она ж из деревни приехала, рот откроет и поет!» На самом деле это был огромный труд, я закрывалась в комнатах: пела, орала, очень хотела научиться. Свою манеру искала, спорила с преподавателем. Народное пение, оно немножко горловое, связки зажимаются. А я хотела петь легко. Всегда говорила, если тебе легко, значит, и людям легко тебя слушать.

— На родине вас принимают, наверное, особенно тепло?

Н.К.: Вы знаете, есть разные города по темпераменту. Когда едешь в Ростов, на юг куда-то — там более эмоциональные люди. Я сама из средней полосы — зимы, холодно, так что я этот народ хорошо чувствую... Вспомнила одну историю. Выступала в Бугульме, на стадионе. А я же росла там. Полгорода знакомых. Как к ним не выйти? Пошла «в народ», вижу, преподавательница моя кричит, руками машет: «Надя, Надя!», соседка, еще кто-то — все в первых рядах. И вот эта толпа на меня начала наедать. Милиционеров мало, они этот поток сдержать не могут. Как меня не раздавили, до сих пор удивляюсь.

Президент был застенчив

— У вас много регалий, званий разных. Какое самое экзотическое?

Н.К.: Я — народная артистка Татарстана. Гордятся мной, потому что я родилась там, и детство прошло в Татарстане. Потом наша семья переехала в село на границе Оренбурга и Самары. Это потом уже все области меня стали делить.

— А самая дорогая награда? Наверное, премия Путина «20 лучших женщин России»?

Н.К.: Ой, волновалась, как на экзамене. Специально по этому поводу платье сшила. Было очень торжественно. В Георгиевском зале Кремля. Играл оркестр, и все двадцать женщин пришли такие наряженные... Президент был застенчив, он немного смущался от такого количества дам... А самая дорогая награда для меня — звание заслуженной артистки России. Когда мне его дали, мне было, по-моему, 35 лет. Тогда ведь награждали, когда уже, знаете, за 50. А к материальным ценностям я равнодушна. Я спокойно ко всему отношусь.

— Покорять столицу вы приехали много лет назад. Какие чувства к Москве испытываете?

Н.К.: Когда я сюда приехала, мне было 14 лет. Сейчас у меня такое ощущение, что я здесь родилась. Хотя я все равно осталась очень домашней. Если куда-нибудь уеду — в тишину, меня не хватит и на три дня. Москва — тяжелый город, но он может наградить очень щедро. Александр Иванович Москву просто обожает.

А.К.: Для меня Москва — просто космический город. Поэтому что все энергетические полюсы проходят через Москву. Если вы у случайного прохожего что-то спросите, он не сразу поймет, что вы к нему обратились. Почему? Потому что человек идет уже с программой. Москва — это такой город, где никто ни на кого не смотрит. Город сильных людей.

— Ваш сын Григорий чем занимается?

Н.К.: Он учится в Университете управления на маркетинга, третий курс. На заочном отделении, потому что мы постоянно на гастролях, нужно, чтобы ребенок был под присмотром.

— Приятно, что ваши песни считаются народными?

А.К.: Конечно. Самая высокая награда для композитора — если хотя бы одна его песня стала народной. «Течет ручей» уже лет десять называют народной.

Н.К. (смеется): И не могут убрать из программы...

— Надоело ее петь?

А.К.: Раньше мы ездили на гастроли от Госконцерта, и у нас в репертуаре всегда должны были быть «Калинка-ма-линка», «Катюша». И вот, когда в шестисотый раз ты ее затягиваешь... Пытаемся убирать многолетние песни — люди обижаются. Говорят: приехали за 200 километров послушать «Ах, судьба, моя судьба». А Надежде не всегда хочется ее петь.

Н.К.: Сложно, много энергии забирает. Надо же все через душу пропустить. Трагедийная песня.

— Русский народ тяготеет все больше к грустным песням?

Н.К.: Женщины — да. Они идут на репертуар, где можно поплакать, пострадать.

А.К.: Самая ранняя нация, самая теплая — русские. Ни в одной стране мира так не сопереживают песне.

Беседовала
Светлана ФЕДотова